

УДК 821.11-312.6+82.09(410)"19"(045)

DOI 10.52928/2070-1608-2026-80-4-7-11

ПРОБЛЕМАТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНАХ Д. РИЧАРДСОН
«ОСТРОВЕРХИЕ КРЫШИ» И «ЗАВОДЬ»

О.Г. ГИЛЕП

(Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1927-7969>

В статье исследуется проблема поиска идентичности в произведениях известной британской романистки первой половины XX в. Д. Ричардсон в контексте литературы британского модернизма и с учетом художественных установок писательницы. В результате анализа ряда романов Д. Ричардсон из цикла «Паломничество» сделан вывод, что для её произведений мотив поиска личностью собственного «я» становится центральным.

Ключевые слова: идентичность, модернизм, Д. Ричардсон, литература Великобритании, автобиографизм.

Введение. Начало XX в. знаменует собой важный момент в истории английского романа, так как его статус и будущее становятся постоянной темой литературных дебатов. Поколение писателей, родившихся в последние десятилетия викторианской эпохи, стало свидетелем научной революции, технологического прогресса, а также разрушительного эффекта Первой мировой войны. Именно им существование традиционных форм литературного творчества казалось неуместным и неспособным отразить современный («modern») мир. В результате поиска новых литературных форм появляется модернистский роман, в котором авторы выводят на первый план проблемы психологического плана, проблематику идентичности. Как отмечает российский литературовед Н.В. Морженкова, в литературе начала XX в. чрезвычайно актуальным становится мотив утраты идентичности и поисков человеком самого себя, что связывается со значительным влиянием психологических, философских и социологических концепций идентичности У. Джеймса, З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма, Дж. Г. Мида. По мнению Н.В. Морженковой, начав трансформироваться в эпоху романтизма, «традиционные представления о человеческой идентичности продолжают дестабилизироваться в эпоху модернизма» [1, с. 63]. Особую значимость проблематика самопознания и поиска идентичности обретает в произведениях 1920-х гг., написанных женщинами, что отметила, в частности, одна из основоположниц англо-американской феминистской критики Э. Шоуолтер, приведя в качестве примера таких писательниц начала XX в., как Д. Ричардсон, В. Вулф, Г. Стайн и М. Синклер [2, р. 33].

Основная часть. Дороти Ричардсон (1873–1957) – автор цикла романов «Паломничество» («Pilgrimage», 1915–1938) и сборника рассказов «Journey to Paradise» (1989). Произведения писательницы носят автобиографический характер, так как в них она художественно переосмысливает собственный жизненный опыт, рассказывая о несбывшихся перспективах, травмах, депрессии, тяжелой работе и стремлении к творчеству и поиску собственного «я», характеризовавших её жизнь. Американский литературовед и автор одной из биографий Д. Ричардсон Г. Гилкин при сопоставлении сюжетов цикла «Паломничество» и фактов из биографии автора приходит к выводу, что писательница «не только раскрыла себя в лице своей героини, но и изобразила других людей, а также воспроизвела мир своей юности с фотографической четкостью и точностью»¹.

Стоит отметить, что цикл «Паломничество» часто оценивался литературоведами критически, а место самой Д. Ричардсон в истории британской литературы XX века долгое время подвергалось сомнению. Так, американский литературовед Дж. Матц отмечает, что во многих аспектах цикл романов «Паломничество» сложно в полной мере назвать модернистским, так как в них фигурируют «корсеты, старомодность и пасторальные места»². Г. Фромм также полагает, что Д. Ричардсон «застряла между викторианством и современностью»³. Отмечает вариативность оценок творчества писательницы и российский литературовед А.А. Колотов. Признавая, что «своим творчеством Д. Ричардсон, бесспорно, заслужила себе место в истории английской литературы», литературовед задается вопросом: «где это место: в специальном многостраничном разделе, посвященном её творчеству, или же в скупых строках примечаний, набранных мелким шрифтом» [6, с. 76].

Несмотря на то, что Д. Ричардсон все еще остается «на задворках модернизма» [7, р. 175], нельзя игнорировать тот факт, что писательница совершила попытку пересмотреть изображение человеческого сознания с женской точки зрения, тем самым бросив вызов стереотипам, которые преобладали в традиционной, преимущественно мужской, литературе предыдущего века. В. Вулф, современница Д. Ричардсон, отмечала гендерные особенности романов писательниц и приписывала Д. Ричардсон создание особого типа психологизма, связанного с изображением женского сознания: «Это женское письмо, но лишь в том смысле, что оно используется, чтобы описать женское сознание писательницей, которая не превозносит и не страшится того, что может обнаружить в психологии своего пола»⁴. Американская поэтесса Рейчел Блау ДюПлесси также выделяет поиск женщиной

¹ «...she not only revealed herself in the person of her heroine but portrayed other people as well, and reproduced with the sharpness and accuracy of a photograph the historical world of her youth» [3, p. 587]. Здесь и далее – перевод автора статьи.

² «corsets and quaintness and pastoral places» [4, p. 11].

³ «caught in between two worlds (the Victorian and the modern)» [5, p. 338].

⁴ «It is a woman's sentence, but only in the sense that it is used to describe a woman's mind by a writer who is neither proud nor afraid of anything that she may discover in the psychology of her sex» [8, p. 229].

своего «я» как одну из отличительных особенностей цикла «Паломничество» и пишет о «подрыве» писательницей традиционного «романтического» представления о женских образах в литературе⁵. Так, в цикле «Паломничество» каждый из романтических опытов главной героини – с Михаилом Шатовым, русским студентом, за которого она собирается выйти замуж, а также с Хипо Уилсоном, известным писателем и мужем её подруги детства, с которым у героини завязывается роман, – заканчивается неудачей, во многом из-за решимости Мириам оставаться свободной от привязанностей, которые лишают её интеллектуальной жизни. Отказывается героиня и от дружбы с Амабель, красивой и свободолюбивой студентки-суфражистки. Сталкиваясь с обществом, где женские роли все еще сформированы согласно идеалам викторианской эпохи, Мириам неоднократно обнаруживает несоответствия между ожиданиями общества и собственными устремлениями.

Литературоведами и критиками также была отмечен и избранный Д. Ричардсон способ повествования. Для передачи подлинно женского видения Д. Ричардсон использовала субъективную технику «потока сознания», «пропуская» аспекты реального мира через восприятие главной героини. Не случайно М. Синклер, современница Д. Ричардсон, в своей рецензии, написанной для журнала «The Egoist» в 1918 г., выразила восхищение не столько сюжетами романов цикла, сколько техникой «потока сознания» в них: «В этом цикле нет ни драмы, ни сюжета, ни определенного места действия. Ничего не происходит. Это просто жизнь, которая продолжается и продолжается». Это поток сознания Мириам Хендерсон, который продолжается и продолжается⁶. При этом сама Д. Ричардсон не согласилась с использованием термина «поток сознания», назвав его «неудачно выбранной метафорой»⁷. Писательница сравнивала избранную ею форму повествования с чем-то большим, нежели просто «поток»: «Это не поток, это водоем, это море, это океан»⁸ [12, p. 29]. Действительно, автор отказывается в своих романах от линейной передачи течения времени и объективной репрезентации пространства в пользу субъективного восприятия реальности: сознание Мириам Хендерсон свободно перемещается между прошлым и настоящим, воспоминаниями и теперешним опытом, которые, зачастую, переплетаются, погружая читателя в «океан жизни» главной героини. М. Э. Гиллис в книге «Анри Бергсон и британский модернизм» описывает повествование от лица Мириам как «разрозненный набор воспоминаний без определенного порядка и цели»⁹, в которых заметны попытки её самоидентификации.

Обращаясь в этом контексте собственно к названию цикла, нужно отметить, что особенный интерес представляет заложенный в нем аспект семантики поиска, движения. Важным элементом паломничества, помимо прочего, является преодоление трудностей пути. «Паломничество» Мириам Хендерсон началось с вынужденной необходимости покинуть родительский дом в возрасте семнадцати лет и поехать в Германию работать школьной учительницей. В дальнейших романах цикла «паломничество» главной героини преимущественно ограничивается географией Лондона, за исключением посещения Бернского Оберланда в Швейцарии и фермы «Димпл Хилл» семьи квакеров Роскорлас в Восточном Суссексе. В Лондоне Мириам погружается в шумную городскую жизнь, посещает различные лекции и встречи, знакомится с людьми, принадлежавшими разным классам, религиям и национальностям. Интеллектуальная атмосфера Лондона конца XIX – начала XX в. создает идеальные условия для развития её женского самосознания и личностного роста, которые сопровождаются постоянным поиском собственного «я».

В качестве примера можно обратиться к первому роману «Острове́рхие кры́ши» («Pointed roofs», 1915), который начинается с описания вечера накануне отъезда Мириам за границу. Главную героиню охватывают смешанные чувства. Мириам предостит покинуть идиллию родного дома, где царят гармония и интеллект. Автором создаются образы сестер Мириам, которые соответствуют викторианскому представлению о женщинах: они умны, вместе с тем женственны и практичны. Однако Мириам другая, и в диалоге со своими сестрами об их будущем замужестве и материнстве она говорит: «Разве это не ужасно – для всех нас»¹⁰, чувствуя скорее облегчение от скорого отъезда. Тревога Мириам по поводу своего будущего связана также с фигурой её отца, не справляющегося с традиционной ролью мужчины как основного добытчика: «Я не стану пересказывать, что он говорил и как объяснял трудности, возникшие с тем, чтобы собрать нужную сумму для покупки необходимых мне вещей»¹¹. Именно затруднительное финансовое положение семьи Хендерсон вынуждает Мириам отправиться на заработки. Образ отца особенно важен, так как он заставляет главную героиню задуматься о проблеме личностного самоопределения. Наблюдая за отцом, Мириам подмечает, что тот будто «играет роль английского джентльмена»¹². Мистер Хендерсон выбирает роль не только для себя, но и для Мириам – он стыдится своей финансовой ситуации, и ему удобнее представлять свою дочь как «...ученицу, которая отправляется в Германию, чтобы закончить школу»¹³. На данном этапе Мириам соглашается с выбранной для неё отцом ролью и подчиняется ему.

⁵ «The text protests continually against the master plot of romance» [9, p. 143].

⁶ «In this series there is no drama, no situation, no set scene. Nothing happens. It is just life going on and on. It is Miriam Henderson's stream of consciousness going on and on» [10, p. 58].

⁷ «ill-chosen metaphor» [11, p. 433].

⁸ «It's not a stream, it's a pool, a sea, an ocean» [12, p. 29].

⁹ «collection of internal moments, progressing in no particular order toward no determined goal» [13, p. 158].

¹⁰ «Isn't it ghastly – for all of us» [14, p. 7].

¹¹ «I won't tell you the things he said, how he put it about the difficulty of getting the money for my things» [14, p. 15].

¹² «He was playing the role of the English gentleman» [14, p. 29].

¹³ «...taken as a pupil to a finishing school in Germany» [14, p. 29].

В Германии Мириам обретает независимость, что позволяет ей отдалиться от отцовского влияния и начать поиски своего «я». Казалось бы, став учительницей, Мириам получает возможность примерить на себя новую роль, созвучную представлениям викторианской эпохи о предназначении женщин воспитывать и обучать. Однако, оказавшись в школе на Вальдштрассе, Мириам не чувствует своей принадлежности к ней, не разделяет ценностей немецкой культуры и приходит к выводу, что в данном месте девочкам не дают необходимые знания для их интеллектуального развития, а превращают в послушных домохозяек. Мириам понимает, что ей не удастся играть роль «английской гувернантки»: «Видите ли, проблема была в том <...>, что, когда фройляйн говорила мне о манерах, она хотела, чтобы я просто притворялась»¹⁴.

Примечательно, что в Германии начинается и религиозный поиск главной героини. Мириам вместе со школьницами посещает несколько церквей: англиканскую, лютеранскую и католическую. Англиканская церковь закрепляет в сознании Мириам уже сложившееся ранее впечатление о ней. Мириам кажется, что она уже знает всех прихожан, знает, что они принимают поход в церковь как должное, что, даже прослушав проповедь, у них не возникнет желания задать вопросы или обсудить услышанное. Все это вызывает у Мириам сопротивление, делает посещение церкви невыносимым. Она пытается не слушать проповедника, но его голос, «не убежденный и не убеждающий»¹⁵, не дает ей сосредоточиться. Только пение гимна вызывает у Мириам положительные эмоции, однако они быстро исчезают, так как она отвлекается на малышку Эмму Бергманн, которая тихо смеется, и Мириам вспоминает, как она тоже смеялась со своей сестрой в церкви тогда, в Англии. Посещение католической церкви впервые в её жизни вызывает у Мириам интерес: она вдыхает запах благовоний, рассматривает картины на стенах, алтари с подношениями. Мириам отмечает, что окна «матовые», потолок «низкий», стена «штукатуренная», а комната, в которую они вошли, совершенно пуста, если не считать небольшого шкафа, где хранятся церковные реликвии и предметы культа. Однако, когда священник достает крест, инкрустированный драгоценностями, Мириам теряет интерес и уходит подальше, ожидая скорейшего окончания службы. Данный эпизод может свидетельствовать о том, что посещение католической церкви никак не влияет на идентичность героини. Совсем по-другому Мириам чувствует себя в лютеранской церкви. Так, её восхищает мужество Мартина Лютера, который не побоялся выступить против Римско-католической церкви. Героиню привлекает идея независимости, автономности, меньшей подчиненности лютеранской церкви, непринужденная атмосфера во время службы: «Все в церкви сидели и пели гимн. Какие замечательные люди... Как будто они собрались на чаепитие...»¹⁶. Однако героиней не создается идеализированная картина лютеранской церкви, и она не может в полной мере прочувствовать принадлежность к её прихожанам. Понаблюдав за ними, Мириам описывает их следующим образом: «отряд, маленькая армия»¹⁷. Таким образом, автор акцентирует кризис идентичности героини и показывает поиск своего «я», в том числе в аспекте религиозного сознания.

Столкнувшись с культурой чужой страны, Мириам начинает лучше осознавать и свою национальную принадлежность. С самого начала пребывания в школе на Вальдштрассе она проводит параллели между двумя нациями. Так, услышав игру немецкой школьницы на пианино, героиня сравнивает её с тем, что она слышала в Англии: «Её игра на старом пианино подготовила Мириам к тому, чтобы ощутить разницу между исполнением этих немецких девушек и почти всем, что она слышала ранее»¹⁸. Проработав в школе некоторое время, Мириам лишается многих иллюзий. Сравнивая англичан и немцев, она подмечает, что те так же неискренне улыбаются и смеются. Постоянно проводя параллели между внешним видом, образом мыслей, бытом, традициями англичан и немцев, Мириам приходит к поэтапному осознанию и принятию своей «английскости». Она понимает, что Германия – это не то место, где она сможет сформироваться как личность: «У меня не немецкое выражения лица, и я не улыбаюсь, как немка <...> Это место не для меня»¹⁹. Традиционным способом женской самореализации был бы удачный брак с немцем, который, однако, не соотносится с жизненными приоритетами героини. Мириам убеждена, что ей придется «притворяться», чтобы вписаться в немецкое общество: «Эта мысль вызывала у нее легкое чувство вины. Это было бы обманом...»²⁰. Она принимает решение не тратить свою жизнь на притворство и возвращается в Англию.

Во втором романе цикла под названием «Заводь» («Backwater», 1918) понимание собственной идентичности Мириам становится более ясным. Покинув удушающую обстановку Германии, Мириам возвращается в Англию, где она устраивается на работу в школу на севере Лондона. Ранее Мириам отвергала для себя роль учительницы (в романе «Острокрышье»), и в романе «Заводь» она также поначалу относится к этому скептически: «Ей не хватало сил, чтобы одновременно зарабатывать на жизнь и получать педагогическое образование»²¹. Однако героиня приходит к пониманию, что это может стать для нее источником заработка и способом интеграции в общество, и эта мысль дает освобождающее чувство: «‘Я жива’... Словно что-то ударило её, пронзило её неосознанное тело, унесло его, оставив её там, беззвучно кричащую. Я жива...»²². Таким образом, автор выводит на первый план в повествовании социальный аспект идентичности героини.

¹⁴ «You see the trouble was, <...> Fräulein talked to me about manner, she simply wanted me to grimace, simply [14, p. 255].

¹⁵ «unconvinced and unconvincing» [14, p. 95].

¹⁶ «The whole church was sitting down, singing a hymn. What wonderful people... Like a sort of tea-party...» [14, p. 102].

¹⁷ «a troop, a little army» [14, p. 103].

¹⁸ «Her playing, on the old piano, had prepared Miriam for the difference between the performance of these German girls and nearly all the piano-playing she had heard» [14, p. 36].

¹⁹ «I haven't got a German expression and I don't smile like a German <...> This is no place for me» [14, p. 227].

²⁰ «There was a little sting of guilt in the thought. It would be practising deception...» [14, p. 105].

²¹ «She was not strong enough to earn a living and qualify as a teacher at the same time» [15, p. 109].

²² «‘I'm alive’... It was as if something had struck her, struck through her impalpable body, sweeping it away, leaving her there shouting silently without it. I'm alive...» [15, p. 110].

Понимание Мириам своей принадлежности чему-то большему происходит и благодаря чтению книг и журналов, взятых в школьной библиотеке. Так, одна из коллег Мириам упоминает о газете «Стандарт», которая может быть полезна, так как в ней говорится про образование. Мириам берет её с некоторым страхом, так как никогда до этого не держала газету в руках – во многом из-за отца, который всегда говорил, что женщины слишком доверчивы и верят всему, что появляется в печати. Чувствуя влияние отца, Мириам сначала откладывает газету и возвращается к привычным ей книгам, однако позже все же читает одну из статей и испытывает момент эпифании: «Пока она читала, в комнате все замерло. Воспоминания о разговорах и звоне приборов за обеденным столом угасли, и вскоре она перестала слышать даже тиканье часов. Наконец она подняла голову. Неудивительно, что люди читают газеты. Можно было узнать о том, что происходит в стране, и даже о том, что правительство делает в данный момент. Конечно, поэтому мужчины и знали, казалось, так много – они читали газеты и обсуждали то, что в них написано... Но любой мог, если бы захотел, знать столько же, сколько и мужчины, сидящие в креслах, прочитав все то, что пишут обо всем и для всех»²³. Прочтение газеты является ключевым моментом в развитии самосознания Мириам и навсегда меняет отношение героини к чтению. Она освобождается от оков санкционированного («sanctioned») патриархального чтения и испытывает чувство свободы: «В комнате все изменилось до неузнаваемости. В безмолвии плетеных стульев почти не ощущалось боли. В мире действительно были люди, которые делали его лучше. Наконец-то. Возможно, это и была счастливая судьба – быть учителем в школе Банбери-Парк и читать газеты»²⁴. Показывая быстро сменяющиеся впечатления главной героини, автор изображает её не как жертву обстоятельств, а наделяет субъектностью.

Через чтение продолжается и религиозный поиск. Мы видим, как героиня, всегда державшая свои религиозные сомнения в себе, впервые смело заговорит о них. Она рассказывает о своих смятениях мисс Хэдди, директору школы Вордсворта. Та знакомит её с книгой под названием «Preparation for Holy Communion», к прочтению которой Мириам подходит с должной серьезностью. Её интерес к религии в определенной степени возрождается, и она планирует строго следовать рекомендациям для тех, кто готовится к таинству причастия: «Можно отводить какое-то время на подготовку каждый вечер, <...> а в субботу вечером – намного больше»²⁵. Именно с отсутствием должной подготовки героиня связывает свои прошлые неудачные попытки принять религию, и автор передает её мысли в этот момент в виде «потока сознания»: «Тогда это ужасное чувство на ранней службе, неловкое стояние на коленях у скамьи, слишком поздно, чтобы начать становиться хорошей, изнуряющие моменты у ограды алтаря – свет, падающий с вызовом на латунные прутья, кольцо священника и золотое покрытие внутри чаши, необычное жжение от вина в горле – разочарование и угрюмое возвращение домой; все эти непонятные неудачи были из-за недостаточной подготовки»²⁶. В целом описание автором прочтения героиней религиозного трактата схоже с описанием прочтения газетной статьи. Она впервые сталкивается с книгой на тему религии, изданной при жизни автора. Мириам это кажется интересным, так как автор, скорее всего, знает о тех, кто сомневается, и не будет считать их «неверными» («infidels»). Читая про освобождение от грехов, девушка направляется к умывальнику с целью буквального очищения. Такая интенсивная и слегка комичная религиозная фаза длится недолго, и, скорее всего, сигнализирует не столько о духовном росте героини, сколько о стремлении к самопознанию и «проживанию» тех знаний, которые Мириам получает в процессе чтения.

Финальная часть романа «Заводь» посвящена открытию романтической литературы. Героиня зачитывается любовными романами, и её увлечение перерастает в одержимость; Мириам не спит, ей кажется, что жизнь вот-вот превратится в сюжеты книг: «...казалось вполне возможным, что жизнь внезапно превратиться в то, что описывал автор. Откуда ни возьмись должен был появиться человек, который полюбит тебя...»²⁷. Однако Мириам постепенно понимает, что сюжеты романов Розы Кэри не соответствуют меняющимся представлениям о женщинах и мужчинах, и домашняя жизнь – «Тихий дом и камин, серьезность, ответственность, муж с седеющими волосами, его знакомый профиль, когда он читает, и они оба на пути к Господу»²⁸ – не для нее. Лучше «быть одной и страдать, мучиться здесь, в школе, но быть живой...»²⁹. Героиня переходит к романам Маргарет Вулф Хангерфорд, однако ей кажется, что события, описанные в них, могут происходить или с богатыми, или с красивыми женщинами, а сама Мириам не относит себя ни к одной из данных категорий. Завершает свою читательскую «одиссею» Мириам романами Уиды. Процесс чтения ее произведений героиня сравнивает с чем-то

²³ «As she read the room grew still. The memory of the talking and clinking supper-table faded, and presently even the ticking of the clock was no longer there. She raised her head at last. No wonder people read newspapers. You could read about what was going on in the country, actually what the government was doing at the very moment. Of course, men seemed to know such a lot because they read the newspapers and talked about what was in them. But anybody could know as much as the men sitting in the arm-chairs if they chose; read all about everything, written down for everybody to see» [15, p. 107].

²⁴ «The room was quite changed. There was hardly any pain in the silent cane-seated chairs. There were really people making the world better. Now. At last. Perhaps it was rather a happy fate to be a teacher in the Banbury Park school and read newspapers» [15, p. 108].

²⁵ «A certain time for preparation could be taken every night, <...> and a specially long time on Saturday night» [15, p. 141].

²⁶ «Then that dreadful feeling at early service, kneeling like a lump in the pew, too late to begin to be good, the exhausted moments by the altar rail – the challenging light on the shining brass rod, on the priest's ring and the golden lining of the cup, the curious bite of the wine in the throat – the sullen disappointed home-coming; all the strange failure was due to lack of preparation» [15, p. 141].

²⁷ «...it had seem quite possible that life might suddenly develop into the thing the writer described. From somewhere would come an adoring man...» [15, p. 180].

²⁸ «The quiet house and fireside, gravity, responsibility, a greying husband, his reading profile always dear, both of them going on towards heaven» [15, p. 180].

²⁹ «Far better to be alone and suffering and miserable here in the school, alive...» [15, p. 180].

религиозным: «Она перестала читать Библию и молиться. Уида, Уида...»³⁰, что символизирует точку невозврата для Мириам, ведь именно после прочтения произведений Уиды она выбирает для себя новый путь, в частности, путь познания своей женской идентичности, существующей вне норм, навязанных ей отцом или обществом: «Я хочу то, что считается плохим, очень плохим. ... Неважно, Италия, небо, яркие, жаркие пейзажи, что-то происходит. Мне все равно, что думают или говорят люди. Я старше всех в этом доме. Я – это я»³¹.

Заключение. Подводя итог, можно сказать, что поиск идентичности главной героиней в романах «Островерхне крыши» и «Заводь» происходит через познание себя путем погружения в иную культуру, становление в профессии учителя и чтение. Раскрывая в своих произведениях проблематику идентичности в контексте меняющейся реальности, писательница прибегает к новаторским формам и методам, способным отобразить внутреннюю сущность человека и работу сознания. Так, в проанализированных романах цикла «Паломничество» можно выделить использование техники «потока сознания», которая играет особую роль в раскрытии личности героини без вмешательства авторского голоса, то есть он несет в себе характерологическую функцию. Кроме того, автор фокусирует внимание читателя на внезапных переменах во внутреннем состоянии героини, её моментах эпифании, которые часто наступают, когда сознание Мириам вырывается за удручающие рамки викторианских ожиданий и норм. В эти мгновения девушка осознает собственное «я» как нечто отдельное от сковывающих представлений о браке, работе, навязанных традиционной культурой. Характеризуется поиск идентичности главной героини и фрагментарностью: отказываясь от традиционного построения сюжета, Д. Ричардсон погружает читателя в сознание молодой женщины, родившейся на рубеже веков и стремящейся освободиться от ограничений викторианской Англии, но еще не готовой к изменениям двадцатого века. В силу недостаточной храбрости, предвзятости, эмоциональности, Мириам Хендерсон не может полностью понять себя. Поиск героиней собственной идентичности продолжается, и такая принципиальная незавершенность данного процесса и своего места в мире является одной из отличительных черт романов «Островерхне крыши» и «Заводь», а мотив поиска остается одной из центральных тем последующих романов цикла «Паломничество».

ЛИТЕРАТУРА

1. Морженкова Н.В. Проблема идентичности в романе Г. Стайн «Ида» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Филология. – 2011. – Т. 1, № 2. – С. 63–69.
2. Showalter E. A Literature of Their Own: British women novelists from Brontë to Lessing. – Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1977. – 378 p.
3. Glikin G. Dorothy M. Richardson: The Personal 'Pilgrimage' // PMLA. – 1963. – Vol. 78, iss. 5. – P. 586–600.
4. Matz J. Dorothy Richardson's Singular Modernity // Pilgrimages: The Journal of Dorothy Richardson Studies. – 2008. – Vol. 1, № 1. – P. 8–26.
5. Fromm G. G. Dorothy Richardson: A Biography [1977]. – Athens: The University of Georgia Press, 1994. – 451 p.
6. Колотов А.А. Ангел-хранитель Мириам Хендерсон: «поток сознания» и повествовательная точка зрения в романе Дороти Ричардсон «Островерхне крыши» // Филологический сборник: Литературы Западной Европы – От эпохи Возрождения к XXI веку: Межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск: РИО КГПУ, 2002. – С. 76–92.
7. Finn H. REVIEWS: At the Margins of Modernism // Women: A Cultural Review. – 2000. – Vol. 11, iss. 1-2. – P. 175–178.
8. Woolf V. Romance and the Heart // The Nation and The Athenaeum, Literary Supplement. – 1923. – Vol. 33, № 7. – P. 229.
9. DuPlessis, R. B. Writing Beyond the Ending: Narrative Strategies of Twentieth-century Women Writers. – USA: Indiana University Press, 1985. – 253 p.
10. Sinclair M. The Novels of Dorothy Richardson // The Egoist. – 1928. – Vol. 5. – P. 57–59.
11. Richardson D. Novels // The Gender of Modernism / Ed. B. K. Scott. – Bloomington: Indiana UP, 1990. – P. 432–435.
12. Brome V. A Last Meeting with Dorothy Richardson // London Magazine. – 1959. – Vol. 6. – P. 26–32.
13. Gillies M. A. Henri Bergson and British Modernism. – London: McGill-Queen's University Press, 1996. – 224 p.
14. Richardson D. Pointed Roofs. – New York: Knopf, 1919. – 286 p.
15. Richardson D. Backwater. – UK: Duckworth & Company, 1916. – 286 p.

Поступила 17.03.2026

THE PROBLEM OF IDENTITY IN D. RICHARDSON'S NOVELS «POINTED ROOFS» AND «BACKWATER»

V. HILEP

(Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk)

This article examines the theme of the search for identity in the works of Dorothy Richardson – a prominent British novelist of the first half of the 20th century – within the context of British modernist literature and with regard to the author's artistic principles. An analysis of several novels from Richardson's «Pilgrimage» cycle leads to the conclusion that the motif of the individual's search for the self is central to her work.

Keywords: identity, modernism, D. Richardson, British literature, autobiography fiction.

³⁰ «She ceased to read her Bible and to pray. Ouida, Ouida...» [15, p. 184].

³¹ «I want bad things – strong bad things. ... It doesn't matter, Italy, the sky, bright hot landscapes, things happening. I don't care what people think or say. I am older than anyone here in the house. I am myself» [15, p. 184].